

Фисунов, В. А. Политические репрессии 1920–1950-х годов в Беларуси (источниковедческий анализ) / В. А. Фисунов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 2/ Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 227–232.

В. А. Фисунов

**Политические репрессии
1920–1950-х годов в Беларуси
(источниковедческий анализ)**

Изучение на современном этапе такой актуальной темы, как политические репрессии в Беларуси в 1920—1950-е гг. невозможно без анализа всей совокупности исторических источников по этой проблеме: законодательных и следственно-судебных документов, мемуаров, литературных произведений, статистических источников, фото- и кинодокументов.

В Беларуси собственный подход к проблеме политических репрессий был обозначен в конце 1980-х гг. Было принято Постановление Верховного Совета Беларуси «О порядке реабилитации жертв политических репрессий», в котором определялось, что «необоснованно репрессированными являются граждане РБ, СССР, зарубежных государств или лица без гражданства, привлеченные на территории РБ судебными и несудебными органами по политическим, социальным, национальным и другим мотивам к уголовной ответственности за государственные (контрреволюционные) преступления, а также по этим же мотивам подвергнувшиеся ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, удалению за пределы РБ в административном порядке»¹.

Документальные источники по истории политических репрессий в Беларуси находятся в архиве КГБ, в Национальном архиве Республики Беларусь (в фонде 4 ЦК КПБ, фонде 6 Центрального Исполнительного Комитета БССР за период 1920—1937 гг., фонде 7 Совета Народных Комиссаров БССР 1920—1941 гг., фонде 34 Наркомата внутренних дел БССР), Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (фонды репрессированных писате-

лей и поэтов — фонд 282 М. Чарота, фонд 58 П. Головача, фонд 15 Т. Гартного, фонд 55 А. Дудара, фонд 34 Б. Микулича и др.).

Среди документальных источников нужно выделить законодательные источники, в которых отразилось репрессивное законодательство этого времени. Так, еще в декрете СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах» нарушителей трудовой дисциплины и лица, не выполнившие нормы выработки без уважительных причин, приговаривались к наказанию до 6 месяцев заключения в лагере принудительных работ. И крестьяне за недосев и невыполнение продрозверстки осуждались на заключение в лагере².

«Репрессивное законодательство» заметно расширилось в период проведения политики коллективизации в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В постановлении ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» предполагалось наделить местные органы власти (областные и краевые исполкомы, правительства автономных республик) правом применять в районах сплошной коллективизации «все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)»³. Хотя, когда процесс раскулачивания в основных сельскохозяйственных районах страны завершался, было принято 25 июня 1932 г. совместное ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», в котором осуждались нарушения законности, допущенные в ходе коллективизации. С другой стороны, всего через месяц 7 августа 1932 г. было издано совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В этом постановлении отмечалось, что «люди, которые покушаются на общественное имущество, должны рассматриваться как враги народа» и «решительная борьба с

расхитителями общественного имущества является наипервейшим долгом органов Советской власти». За хищение государственной и колхозной собственности полагалось от 5 до 10 лет концентрационных лагерей без права помилования. Это постановление было принято на фоне голода, который охватил сельскохозяйственные районы СССР (Украину, Северный Кавказ и др.) и унес более 3 млн

человек. К счастью, Беларусь не относилась к основным сельскохозяйственным районам страны, и голод охватил ее в гораздо меньшей мере.

Сигналом к новой волне политических репрессий и, следовательно, ужесточения репрессивного законодательства стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Но еще ранее на основании постановления ЦИК и Совнаркома СССР от 5 ноября 1934 г. было создано Особое совещание при НКВД СССР, которое просуществовало до 1 сентября 1953 г. Особым совещанием было осуждено 442531 человек, в том числе к высшей мере наказания — 10101 человек, к лишению свободы 360921 человек, к ссылке и высылке (в пределах страны) — 67539, к другим мерам наказания (высылке за границу, принудительному лечению и др.) — 3970 человек.

После убийства С. М. Кирова уже 3 декабря 1934 г. было принято постановление ЦИК «О порядке ведения дел о террористических актах против работников Советской Власти». По этому постановлению следственные органы должны были вести дела о подготовке и совершении террористических актов в ускоренном порядке, а судебные органы — не задерживать приговоры из-за ходатайств преступников о помиловании. Органы Наркомата внутренних дел должны были немедленно приводить в исполнение приговоры о высшей мере наказания⁴.

Однако, следует учитывать, что в законодательных источниках учитывалась лишь нормативная информация, т. е. данные о том как должно быть, а не как было на самом деле. Например, Конституция СССР 1936 г. и соответственно Конституция БССР 19 февраля 1937 г. гарантировали свободу отправления религиозных культов, свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций⁵. Но все эти права носили формальный, декларативный характер, а в реальной жизни не выполнялись.

Среди других источников о политических репрессиях можно выделить мемуары, в которых содержатся данные о деятельности различных репрессивных органов, системе организации, быте и нравах, царивших в лагерях. О политических репрессиях на территории Беларуси есть сведения в мемуарах деятелей белорусского национального движения Е. Калубовича, Ф. Алехновича, Л. Гениуш, П. Палягошки, прошедших лагеря и тюрьмы сталинского режима⁶. Например, белорусский драматург Ф. Алехнович был арес-

тован в 1927 г. по обвинению в сотрудничестве с польской дивизией. Московская коллегия ГПУ заочно приговорила его к 10 годам заключения в Соловецких лагерях. После 7 лет проведенных в минской тюрьме и на Соловках, Ф. Алехнович был выслан в Западную Беларусь, принадлежавшую Польше. В 1934 г. Алехнович издал на польском языке свои мемуары «В капцюрэх ГПУ». Эти мемуары были переведены сразу же на многие иностранные языки, а в 1937 г. вышли за счет собственных средств автора на белорусском языке. В этих мемуарах автор рассказывает о жизни и быте заключенных тюрем и лагерей, нравах и обычаях, которые культивировались в репрессивных учреждениях местной администрацией⁷.

Уникальны написанные «в стол» мемуары белорусской поэтессы Ларисы Гениуш. Рукопись воспоминаний была передана автором Михаилу Чернявскому, который и издал их в 1993 г. под названием «Сповідзь». В них рассказывается о пребывании Л. Гениуш в тюрьме МГБ г. Минска, прохождении этапов, пересылок, нахождении в северных лагерях смерти. Автор подробно и эмоционально описывает поведение родных, близких, друзей, врагов, людей разных социальных групп и национальностей, попавших в тюрьмы и лагеря⁸.

При изучении мемуаров следует учитывать, что эти источники писались через определенный промежуток времени после событий, что объяснялось тем, что любое произведение, отразившее реальную действительность, могло быть использовано как повод к обвинению. В следствие этого некоторые детали происходившего стирались, многое пересматривалось с учетом последующего опыта, что требует от исследователя осторожности при изучении мемуаров.

Особую роль в изучении политических репрессий играют статистические источники, позволяющие учесть количество расстрелянных, отравленных в тюрьму, в лагерь, в ссылку. Первые статистические данные о количестве репрессированных начали собираться с 1954 г., когда началась массовая реабилитация жертв политических репрессий в СССР. В секретной докладной записке на имя Н.С. Хрущева от 1 февраля 1954 г. Генеральный прокурор СССР Р. Руденко и С. Круглов отмечали: «В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц о незаконном осуждении за контрреволюции-

онные преступления в прошлые годы Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым Совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами и в соответствии с вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах докладываем... за период с 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3777380 человек, в том числе к высшей мере наказания приговорено — 642980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок 25 лет и ниже — 2369220 человек, в ссылку и высылку — 765180»⁹.

Таким образом, по официальным данным в Советском Союзе ежегодно в среднем осуждалось за политические преступления около 118000 человек, из них около 20100 человек приговаривалось к смертной казни, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок 25 лет и ниже — около 74000 человек, а к ссылке — около 24000 человек. Естественно следует учитывать, что в 1929 — 1933 гг. (годы коллективизации), 1937—1938 гг. (годы репрессий) и в 1941—1945 гг. (годы войны) эти цифры были выше, а в другие годы могли быть ниже. К смертной казни были приговорены 17 % от общего числа осужденных, к лагерям и тюрьме — 63 %, к ссылке — 20 %. Можно сделать вывод, что среди методов наказания за политические преступления преобладало заключение в лагерь и тюрьму, а смертная казнь и ссылка применялись почти с одинаковой частотой — к каждому пятому из осужденных. Кроме того, следует учесть, что политические репрессии большевиками проводились и до 1921 г.

Цифры официальной статистики могли быть и занижены. Например, когда Н. С. Хрущев готовил свое знаменитое выступление о культе личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС и запросил в КГБ данные о массовых репрессиях после убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г., Председатель КГБ А. Шелепин предоставил в ЦК официальную справку, в которой отмечалось, что за период с декабря 1934 г. по июнь 1941 г. было репрессировано 19840000 человек, из которых 7000000 было казнено или умерло в тюрьмах¹⁰. Таким образом, в среднем ежегодно репрессировалось около 2835000 человек, из которых по 1000000 человек погибало. Эти цифры во много раз выше, чем в докладной записке 1954 г. В некоторых работах белорусских историков сделана попытка подсчитать число репрессированных в Беларуси. Например, Р. Пла-

тонов отмечал, что согласно справке управления государственной безопасности НКВД БССР в результате разгрома антисоветского подполья в республике во второй половине 1937 — первой половине 1938 гг. было арестовано 2570 человек, значительная часть которых работала в правительственных и партийных учреждениях, наркоматах, Академии наук, в руководстве округов и районов¹¹. В. Адамушко писал, что по оценочным данным жертвами политических репрессий в 1920—1950-е гг. стали 600 тысяч жителей Беларуси, из которых 240 тысяч были осуждены судебными и несудебными органами, а более 350 тысяч были репрессированы в административном порядке, т. е. «раскулачены»¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что подробный анализ исторических источников позволяет более объективно рассмотреть проблему политических репрессий на Беларуси в 1920—1950-е гг.

¹ Сборник нормативных документов по восстановлению прав граждан, пострадавших в ходе политических репрессий 20—80-х годов. Мн., 1991. С. 5.

² Реабилитирован посмертно. М., 1989. С. 10.

³ Сборник законов СССР. М., 1930. Ст. 103.

⁴ Сборник законов СССР. М., 1934. Ст. 459.

⁵ Беларуская ССР. Конституцыя 1937 года. Мн., 1965.

⁶ Калубовіч А. Крокі гісторыі. Беласток — Вільня — Менск, 1993; Палягошка П. Успаміны з жыцця пад савецкай уладай і з пабудовы Беларускага канала. Нью-Йорк, 1968.

⁷ Аляхновіч Ф. У капцюрох ГПУ. Мн., 1993.

⁸ Геніюш Л. Сповідзь. Мн., 1993.

⁹ Антонов-Овсенко А. В. Враги народа. М., 1996. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Платонаў Р. «Ворагі народа» у лютэрку гісторыка-сацыялагічнага аналізу // Беларуская мінуўшчына. 1994, № 2. С. 37.

¹² Адамушка У. Справа № 233771: «Беларускі нацыянальны цэнтр» // Беларуская мінуўшчына. 1993, № 3—4. С. 45.